

Научная статья

УДК 343.14

EDN PLYSIK

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(4).412-420

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ЛИЦАМ, НЕЗАКОННО ПОДВЕРГАВШИМСЯ МЕРАМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ХОДЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

О.А. Мядзелец^{1, 2}¹ Второй кассационный суд общей юрисдикции, г. Москва, Российская Федерация² Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

12 марта 2024 г.

Дата принятия в печать

27 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения

15 октября 2024 г.

Ключевые слова

Вред; возмещение вреда; лицо; юридическое лицо; меры процессуального принуждения; незаконный; уголовное судопроизводство; реабилитированный; гражданское судопроизводство

Аннотация. На основе конституционных норм, гарантирующих каждому право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53 Конституции РФ), развивающих их положений, предусмотренных ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, правовой доктрины ответственности государства за вред, причиненный неправомерным применением к «третьим лицам» мер процессуального принуждения в ходе уголовного судопроизводства, выявляются и анализируются признаки самостоятельного института возмещения вреда, не поглощаемого институтом реабилитации. Обращается внимание на объективные и субъективные факторы, сдерживающие его применение в судебной практике (продолжающийся процесс формирования доктрины данного института; недостатки действующего правового регулирования соответствующих отношений; проявление последствий конвергенции уголовно-процессуального и гражданского процессуального порядков возмещения вреда с попытками придать уголовно-процессуальным отношениям указанного вида гражданскую процессуальную форму; отсутствие в этой части единства судебной практики). Автор обозначает и обосновывает конкретные направления новеллизации УПК РФ в целях завершения законодательного оформления уникального уголовно-процессуального средства возмещения вреда широкому кругу лиц, понесших имущественные потери в связи с осуществлением уголовного судопроизводства. Отдельное внимание в статье уделено концептуализации теоретических представлений о сущности предписаний ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, выявлению их соотношения с «реабилитационными» нормами гл. 18 УПК РФ.

Original article

CONCEPTUALIZATION OF THE INSTITUTE OF COMPENSATION FOR DAMAGES TO PERSONS UNLAWFULLY SUBJECTED TO MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION DURING CRIMINAL PROCEEDINGS

Olga A. Miadzelets

¹ The Second Cassation Court of General Jurisdiction, Moscow, the Russian Federation² State Academic University for the Humanities, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2024 March 12

Accepted

2024 September 27

Available online

2024 October 15

Keywords

Damage; compensation for damages; person; legal entity; measures of procedural coercion; unlawful; criminal proceedings; rehabilitated person; civil proceedings

Abstract. The author uses constitutional norms guaranteeing each person a right to the compensation of damages from the state if these damages were inflicted by unlawful actions of bodies of state power and their officials (Art. 53 of the Constitution of the Russian Federation), as well as the clauses interpreting these norms under Part 3, Art. 133, Art. 139 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the legal doctrine of the state's responsibility for damages inflicted by the unlawful use of procedural coercion measures to «the third persons» during criminal proceedings; they are used to identify and analyze the features of an independent institute of the compensation of damages that is not absorbed in the institute of rehabilitation. Special attention is paid to objective and subjective factors constraining its application in court practice (the ongoing process of the development of this institute; drawbacks of the current legal regulation of the corresponding relations; certain consequences of the convergence of criminal and civil procedures of redressing damages together with the attempts to give the civil procedural form to the criminal procedure relations

of this type; the lack of unanimity in the court practice in this sphere). The author outlines and substantiates specific trends in the novelization of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation aimed at completing the legislative formulation of the unique criminal procedure means of redressing damages to a wide range of persons who suffered property harm in connection with criminal proceedings. Special attention is paid to the conceptualization of theoretical ideas on the essence of provisions in Part 3, Art. 133, Art. 139 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, to identifying their relation to the «rehabilitation» norms of Art. 18 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Общая характеристика института возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам уголовно-процессуального принуждения

Среди новаций УПК РФ, создающих пятую в истории Российского государства кодифицированному уголовно-процессуальному закону (к такому мы относим и Устав уголовного судопроизводства 1864 г.) ореол сильного и надежного заступника, обеспечивающего защиту не только публичных интересов всего общества, но и индивидуальных прав и свобод частных лиц, защиту имущества и деловой репутации юридических лиц, надлежит выделить нормативно закрепленное в ч. 3 ст. 133 УПК РФ право любого лица на возмещение вреда, причиненного незаконным применением к нему мер процессуального принуждения при производстве по уголовному делу, а также предусмотренное ст. 139 УПК РФ право юридического лица на возмещение в полном объеме вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя.

Безусловно, подобный шаг законодателя реализует соответствующее политическое решение, демонстрируя готовность государства нести ответственность за вред, причиненный в ходе уголовного судопроизводства как уголовно преследуемому, так и любому лицу, испытывавшему неоправданные с точки зрения закона ограничения, понесшего имущественные потери в связи с вовлечением его в уголовное судопроизводство.

Это серьезное явление в современной уголовно-процессуальной политике, которое можно сравнить с «самоочищением уголовного процесса»: допустив причинение лицу, попавшему в сферу уголовной юстиции, неоправданные и незаконные стеснения (лишения), государство берет на себя обязательства загладить, устранить их по ходу производства по уголовному делу в любой его стадии. В связи с этим актуализируется вопрос составления перечня лиц, в

той или иной форме вовлекаемых в уголовный процесс и могущих пострадать от незаконных процессуальных действий органа расследования, прокурора, суда.

Даже не совсем удачный в плане выбора приемов юридической техники способ нормативного выражения в УПК РФ идеи ответственности государства перед участниками уголовного судопроизводства (соответствующие нормы помещены в гл. 18 УПК РФ «Реабилитация», хотя они не регулируют реабилитационные отношения) не может принизить значение несомненно позитивной динамики российского уголовно-процессуального законодательства, реализующего нормы ст. 53 Конституции РФ, в соответствии с которыми каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц.

Глава 18 УПК РФ «Реабилитация» и помещенные в нее ч. 3 ст. 133 и ст. 139 стали примером непосредственного воплощения исходных конституционных велений в механизм судебной защиты, что характерно лишь для государств с развитым правопорядком. В отличие от УПК РСФСР 1922–1923 г., УПК РСФСР 1960 г., в которых указанные вопросы не затрагивались, УПК РФ предусмотрел и разграничил четыре основания юридической ответственности государства перед участниками уголовного судопроизводства за причиненный им вред:

- оправдательный приговор и постановление о прекращении уголовного дела по определенным основаниям (п. 1-3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ);
- судебное решение об отмене вступившего в законную силу обвинительного приговора (п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ);
- незаконное применение мер процессуального принуждения (ч. 3 ст. 133 УПК РФ);
- незаконные действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, причинившие вред юридическому лицу.

При этом подробное правовое регулирование получили исключительно общественные отношения, связанные с применением первых двух оснований. Что касается третьего и четвертого оснований, законодатель посчитал достаточным в ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ сделать уточнение, согласно которому вред в предусмотренных ими случаях возмещается в порядке, установленном гл. 18 УПК РФ. Для данных целей потенциально пригодны положения, закрепленные в ч. 5 ст. 133, ч. 1-5 ст. 135, ч. 2 ст. 136, ст. 137 УПК РФ. Однако указанные законоположения, участвующие в регулировании реабилитационных отношений как элемент механизма возмещения вреда, причиненного лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения, могут применяться только по аналогии закона. Поскольку применение закона по аналогии существенно повышает риски допуска юридической ошибки и нарушений прав участников судопроизводства, судьи предпочитают избегать обращения к ней.

Этим, как показал последующий, более чем 20-летний опыт применения гл. 18 УПК РФ, в значительной степени отраженный в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»¹, был допущен просчет, фактически заблокировавший непосредственное применение в судебной практике ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ.

Оставление законодателем без надлежащего правового регулирования ряда важных аспектов «народившегося» института возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения, перенаправило соответствующие требования физических и юридических лиц из уголовного процесса в гражданское или арбитражное судопроизводство. В результате лица, указанные в ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ, лишились более простой уголовно-процессуальной формы возмещения вреда, чем гражданское исковое производство. В правоприменительной же деятельности про-

изошла подмена законного для рассматриваемых случаев вида уголовного судопроизводства альтернативными, причем подобная подмена прямо не предусмотрена законом. Определенные ч. 5 ст. 135 УПК РФ подсудность и порядок производства по делам о возмещении вреда, причиненного принудительными мерами в рамках уголовного дела, не применяются *de facto*. В связи с этим очевидно, что рассмотрение судами дел о возмещении вреда «иным лицам», не имеющим статуса уголовно-преследуемых, но понесших имущественные потери от применения к ним мер процессуального принуждения, в сложившихся условиях представляет, по сути, «квазиправосудие».

Теоретические основы института возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения

В теории уголовного процесса нет сформировавшейся доктрины института возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения. Это препятствует правильному уяснению значения и содержания каждого из использованных при конструировании данного института элементов.

Слабая разработанность теоретических основ института возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, вполне ожидаемо привела к тому, что в многочисленных комментариях к УПК РФ, учебниках по уголовному процессу особенности, оригинальность названного процессуального института освещаются поверхностно, часто авторы ограничиваются воспроизведением фрагментов закона либо вовсе его не рассматривают. Надлежит подчеркнуть, что фактическая «заморозка» новелл УПК РФ о возмещении вреда, причиненного незаконным принуждением при производстве по уголовному делу, произошла по вине не только законодателя и правоприменителя, но и науки. Подавляющее большинство ученых-процессуалистов занимаются близкой к указанной, но все же другой проблематикой, связанной с возмещением вреда реабилитированному. В числе основных научных работ, в которых целенаправленно анализируются сущность, содержание и перспективы норм УПК РФ, претендующих на самостоятельный правовой институт компенсации государством имущественных потерь лицам, подвергавшимся незаконному принуждению

¹ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 29 нояб. 2011 г. № 17 : (ред. от 28 июня 2022 г. № 22) // СПС «КонсультантПлюс».

не в связи с их уголовным преследованием [1, с. 8–9; 2; 3, с. 142–149; 4; 5, с. 64]. При таком подходе, когда развивающие конституционное право каждого на возмещение вреда нормы УПК РФ, закрепленные в ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ, мало исследованы как научная категория, а изучение их студентами-юристами ограничивается в лучшем случае беглым ознакомлением, трудно рассчитывать на то, чтобы в будущем дознаватели, следователи, прокуроры, судьи, адвокаты успешно их применяли.

Отсутствие в УПК РФ полноценного механизма возмещения вреда лицам, незаконно подвергавшимся мерам уголовно-процессуального принуждения, в котором основная роль отведена оценке законности применения к лицу мер процессуального принуждения, вызвало ряд сложных вопросов. Например, как следует понимать «незаконность применения мер процессуального принуждения? Какие процедуры пригодны для того, чтобы определить законно или незаконно лицо подвергалось процессуальным принудительным мерам? Как трактовать, в узком или расширительном смысле, термин «меры процессуального принуждения»? Какие виды вреда возмещаются в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ? В каких случаях возмещение вреда в связи с незаконным применением мер процессуального принуждения происходит в порядке гражданского судопроизводства?

По этим вопросам и требуется выработать доктринальные позиции с учетом уникальности уголовно-процессуального средства защиты, предусмотренного ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ, имеющего своим назначением возмещение вреда лицам, в отношении которых не осуществляется уголовное преследование.

Понятие мер процессуального принуждения в контексте ч. 3 ст. 133 УПК РФ

Категория «меры процессуального принуждения», на фундаменте которой возводится институт возмещения вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, не адаптирована для рассматриваемых случаев. Законодатель жестко не связал используемый в контексте ч. 3 ст. 133 УПК РФ термин «меры процессуального принуждения» с одноименным разд. 1V УПК РФ. Достаточно было в ч. 3 ст. 133 УПК РФ фразу «любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения» продолжить и закончить ее словами

«...предусмотренных главами 12–14 настоящего Кодекса», и подход законодателя к трактовке анализируемого термина полностью прояснился бы. Но этого сделано не было ни в 2001 г., в момент принятия УПК РФ, ни в последующие более чем 20 лет.

Еще противоречивее сформулированы основания возмещения вреда юридическому лицу. В ст. 139 УПК РФ законодатель «ушел» от термина «меры процессуального принуждения», заменив его другим: «незаконные действия (бездействие) и решения». В этом был бы смысл, если исходить из того, что меры процессуального принуждения не применяются к юридическим лицам. Но разве это так?

Имущество юридического лица может быть арестовано в соответствии со ст. 54, 115 УПК РФ и ст. 1068 ГК РФ (когда юридическое лицо признается гражданским ответчиком за вред, причиненный преступлением) [6, с. 34].

В практике расследования уголовных дел об экономических и должностных преступлениях арест налагается на банковские счета, недвижимость юридического лица, если установлена фактическая их принадлежность подозреваемому или обвиняемому [7].

Сторонники узкого, формально-догматического взгляда на сущность и виды мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве исходят из следующего.

По мнению В.В. Мuryлевой-Казак, основания для расширительного толкования понятия «меры процессуального принуждения» отсутствуют, так как из текста разд. 4 УПК РФ ясно следует, что под ними понимается. При этом исследователь обращает внимание на различия в уголовно-процессуальном регулировании фактических оснований возникновения права на возмещение вреда у физических и юридических лиц: у первых такое право возникает в случаях причинения им вреда незаконным применением мер процессуального принуждения, у вторых — в связи с осуществлением в отношении них незаконных действий (бездействия) и решениями, принятыми в ходе уголовного судопроизводства, включая как незаконное применение мер процессуального принуждения, так и иные различные нарушения (например, незаконное изъятие имущества в ходе проверки сообщения о преступлении, обыска или выемки и т.д.) [8, с. 172]. К сторонникам узкого толкования понятия мер процессуального принуждения относился И.Л. Петрухин [9, с. 52–55].

Однако автором лишь констатируется, но никак не объясняется несовпадение подходов законодателя в части формулирования фактических оснований для признания за физическим или юридическим лицом права на возмещение вреда. Как было показано выше, в практическом плане указанные подходы не являются альтернативными и не имеют под собой теоретического обоснования. В этом усматривается первое серьезное противоречие в конструкции института возмещения вреда, воплотившего в жизнь идею ответственности государства перед участниками уголовного судопроизводства.

Нашедшая закрепление в разд. 1V УПК РФ узкая трактовка термина «меры процессуального принуждения» объединяет принудительные процессуальные меры, значительно отличающиеся по степени и характеру принуждения, специальным предназначением, по субъектно-объектному составу (кем и в отношении кого они применяются), по процессуальному порядку избрания [10, с. 43]. Поэтому в уголовно-процессуальной теории на протяжении нескольких десятилетий разрабатываются различные классификации мер принуждения, отличающиеся многообразием и оригинальностью [11, с. 150–153; 12, с. 22–25; 13, с. 36–47; 14, с. 68–73].

Вместе с тем независимо от критериев классификации процессуальных принудительных мер анализ норм разд. 1V УПК РФ «Меры процессуального принуждения», нормативных предписаний, определяющих процессуальный статус участников уголовного процесса, указывает на то, что сфера применения ч. 3 ст. 133 УПК РФ ограничена, поскольку большинство мер процессуального принуждения применяется в отношении уголовно-преследуемых лиц. Остальные участники и лица без определенного процессуального статуса, вовлеченные в уголовно-процессуальные отношения, могут быть подвергнуты таким принудительным мерам, как обязательство о явке, привод, наложение ареста на имущество и денежное взыскание.

Законодательно закрепленная система мер процессуального принуждения по большому счету объективно не требовала учреждения дополнительной уголовно-процессуальной процедуры возмещения вреда, прежде всего, имущественных потерь, лицам, незаконно подвергнутым процессуальным принудительным мерам. Во-первых, указанные меры крайне редко применяются к лицам, в отношении которых не ведется уголовное преследование.

Во-вторых, вред, наступивший в результате незаконного применения данных принудительных мер, может быть возмещен по правилам гражданского судопроизводства. Потенциал положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ рассчитан практически на любые случаи незаконного применения процессуальных принудительных мер.

Будучи обусловленным обязательностью исполнения участниками уголовного судопроизводства возложенных на них процессуальных обязанностей, многие из которых детерминированы процедурами производства следственных действий, уголовно-процессуальное принуждение выступает как качественно самостоятельное образование, во многом определяющее содержание следственного действия и явно выходящее по своему значению за рамки одного из его признаков [14, с. 76].

Этим и вызвано широкое понимание мер процессуального принуждения как любых принудительных процессуальных действий, в том числе осуществляемых в связи с производством следственных действий дознавателем, следователем [10, с. 190–194].

Так, порядок производства обыска допускает вскрытие любого помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть. При этом не должны допускаться не вызываемые необходимостью повреждения имущества (ч. 6 ст. 182 УПК РФ). В случае нарушения указанных требований и причинения вреда владельцу помещения незаконными действиями, что нередко имеет место на практике при проведении обысков в офисах коммерческих и иных организаций, где привлеченными следователем для оказания ему содействия оперативными работниками фактически устраивается разгром, должен запускаться компенсаторный механизм, предусмотренный ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Такие ситуации распространены на практике и отказывать «пострадавшим» в выборе уголовно-процессуальной процедуры возмещения вреда, установленной ч. 3 ст. 133 УПК РФ, нелогично и практически нецелесообразно. В этом заключается еще одно противоречие института возмещения вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконным применением мер процессуального принуждения:

Таким образом, в зависимости от того, какую версию в понимании сущности и видов уголовно-процессуального принуждения будет поддерживать законодатель, сфера действия института возмещения вреда, базирующегося на положениях

ч. 3 ст. 133 УПК РФ, окажется минимальной, символической либо, напротив, достаточно пространной и охватывающей большинство случаев, когда в ходе уголовного судопроизводства физическому или юридическому лицу причиняется вред мерами процессуального принуждения или незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя.

Изложенное показывает, что меры процессуального принуждения, будучи элементом, определяющим содержание и границы действия рассматриваемого института возмещения вреда, не получили надлежащего регулирования в законе. Что касается оснований возникновения права на возмещение вреда у граждан (в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ) и юридических лиц (в соответствии со ст. 139 УПК РФ), то они сформулированы принципиально по-разному, хотя это не обусловлено объективными причинами. Вследствие этого предусмотренное ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ процессуальное средство защиты прав физических и юридических лиц трансформируется в труднодоступную для понимания, толкования и применения норму-декларацию.

Таким образом, законодательный эксперимент с размещением в гл. 18 УПК РФ положения о возмещении вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, состоящего всего из 20 слов и не имеющего ничего общего с реабилитацией, оказался неудачным. В подобном законодательном решении просматривалось некоторое «нормативное лицемерие». Уже в первые годы после введения УПК РФ в действие стало очевидным, что механизм регулирования возмещения вреда лицу в случаях, не связанных с его уголовным преследованием и реабилитацией (дабы не поддаться иллюзии о пригодности норм гл. 18 УПК РФ для обеспечения реализации предписаний ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ) следовало выстраивать на основе разд. 1V УПК РФ «Меры процессуального принуждения».

Лица, имеющие право на возмещение вреда на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ

Несмотря на неопределенность термина «меры процессуального принуждения» как базового элемента процедуры возмещения вреда, связанного с производством по уголовному делу, нечеткость его нормативного выражения, все же представляется возможным определить основной круг субъектов с правом

инициирования уголовно-процессуального порядка компенсации вреда на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

В силу принципиальных отличий реабилитационных отношений и отношений по поводу возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения, к ним следует отнести, во-первых, тех участников уголовного судопроизводства, которые не подвергаются и не могут подвергаться уголовному преследованию, и, во-вторых, лиц, не имеющих процессуального статуса и вовлекаемых в производство по уголовному делу не персонально, а косвенно, посредством осуществления процессуальных действий в отношении них или их имущества.

Согласно ч. 3 ст. 133 УПК РФ для признания у лица права на возмещение вреда, не связанного с уголовным преследованием, достаточно установить в предусмотренных законом процедурах незаконность применявшихся мер процессуального принуждения.

Буквальное восприятие терминов «любое лицо» и «меры процессуального принуждения» теоретически допускает распространение ч. 3 ст. 133 УПК РФ и на участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, в частности на подозреваемого, обвиняемого. Однако уникальность компенсаторного механизма, предусмотренного ч. 3 ст. 133 УПК РФ, состоит в том, что он задуман для возмещения вреда участникам, которым не предъявлялось уголовно-правовой претензии, а также лицам, не имеющим в уголовном деле процессуального статуса, т.е. «третьим лицам», вовлеченным в уголовный процесс. Он не должен смешиваться с институтом возмещения вреда реабилитированному, что иногда и происходит на теоретическом и правоприменительном уровне.

Порядок признания права лица на возмещение вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения

Основанием для начала судебного производства по возмещению вреда на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ является процессуальное решение, признающее незаконным применение мер процессуального принуждения при производстве по уголовному делу. Этим данное средство уголовно-процессуальной защиты в корне отличается от института реабилитации, где главная роль отведена итоговым решениям по уголовному делу.

На страницах юридической печати обосновывается предложение о закреплении в законе процедуры признания незаконности мер процессуального принуждения, которым подвергалось лицо в связи с уголовным судопроизводством. Предполагается, что после получения копии определения суда, постановления судьи, принятых в порядке ст. 125, ч. 5 ст. 165, гл. 45.1, гл. 47.1 УПК РФ, или постановления прокурора, руководителя следственного органа, вынесенного в соответствии со ст. 124 УПК РФ, о незаконном применении меры процессуального принуждения в ходе уголовного судопроизводства лицо вправе обратиться с требованием о возмещении вреда в суд. Заявленное требование подлежит рассмотрению и разрешению по правилам и в сроки, установленные ст. 135 УПК РФ [3, с. 147–148].

Представляется, что потенциал внесудебного порядка оценки законности применения к лицу мер процессуального принуждения (ст. 124 УПК РФ) недостаточен для решения задачи признания за ним права на возмещение вреда на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ. Во-первых, большинство мер процессуального принуждения применяются по судебному решению либо судом проводится проверка законности произведенного следственного действия неотложно (осмотр, выемка, обыск в жилище, выемка имущества из ломбарда, арест имущества, подлежащего конфискации). Во-вторых, прокурор (ст. 37 УПК РФ) и руководитель следственного органа (ст. 39 УПК РФ) не имеют прямых полномочий давать оценку законности применения меры уголовно-процессуального принуждения. Поэтому предпочтение должно быть отдано судебному порядку оценки и признания незаконными мер принуждения. В итоге право лица на возмещение вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ возникает, как представляется, лишь тогда, когда судом приняты и вступили в законную силу следующие решения: 1) постановление о признании незаконным применения к лицу меры процессуального принуждения, вынесенное по правилам ст. 125 УПК РФ; 2) постановление о незаконности произведенного следственного действия неотложно, вынесенное по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ; 3) апелляционное постановление и кассационное определение, которыми признается незаконным применение меры принуждения, вынесенные по правилам гл. 45.1 и 47.1 УПК РФ.

Термин «незаконный» в ч. 3 ст. 133 УПК РФ обусловил двухэтапную процедуру возмещения

вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения. На первом этапе дается оценка законности применения к лицу меры процессуального принуждения, для чего используется внесудебный (ст. 124 УПК РФ) и судебный порядок (ст. 125, 125¹, ч. 5 ст. 165, гл. 45¹, 47¹ УПК РФ). Если будет установлено, что лицо подвергалось мерам процессуального принуждения незаконно, компенсаторная процедура переходит на второй этап, когда лицо, которому причинен вред, получает возможность реализовать право на его возмещение в порядке, предусмотренном гл. 18 УПК РФ.

Таким образом, реальное функционирование указанного механизма возмещения вреда зависит от результатов проверки руководителем следственного органа, прокурором, судом жалобы заинтересованного лица на незаконное применение к нему мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

Иные вопросы

В конструкции рассматриваемого процессуального феномена важное значение имеют также такие его элементы, как виды вреда, возмещаемого на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ, порядок или процедура судебного производства по возмещению лицам вреда, связанного с их уголовным преследованием.

Преобладает, не теряя при этом дискуссионности, точка зрения о том, что в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ возмещается только имущественный вред.

Аргументируется радикальная позиция о применении исключительно гражданского процессуального порядка рассмотрения требований о возмещении лицу вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

Весьма неоднозначна правоприменительная практика в исследуемой части. Пленум Верховного Суда РФ пока воздерживается от дачи судам разъяснений по наиболее спорным вопросам, связанным с применением ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ.

Выводы

Обобщая изложенное, отметим главное, что характеризует продолжающийся процесс концептуализации института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения.

Он проходит болезненно, испытывает влияние нескольких факторов: неразвитость доктри-

ны данного института; недостатки действующего правового регулирования соответствующих отношений; проявление последствий конвергенции уголовно-процессуального и гражданского процессуального порядков возмещения вреда с попытками придать уголовно-процессуальным отношениям указанного вида гражданскую процессуальную форму; отсутствие в этой части единства судебной практики.

Очевидно, что механизм возмещения вреда широкому кругу лиц, понесших имущественные потери в связи с осуществлением уголовного судопроизводства, не отлажен и не может функционировать так, как предполагалось его создателями, стать таким, каким он должен быть в правовом государстве. Трудно переломить и традиционную практику, инерцию старого в подходах к выбору процессуальных средств защиты названных лиц, когда всегда безальтер-

нативно предпочтение отдавалось гражданской процессуальной форме.

Однако в условиях, когда УПК РФ дополнен специальными нормами, установившими самостоятельную судебную процедуру реализации физическими и юридическими лицами права на возмещение вреда в случаях незаконного применения к ним принудительных мер в ходе уголовного судопроизводства, логичным продолжением усилий законодателя в этой части видится практическое применение положений ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ с научно-методическим сопровождением в виде соответствующих рекомендаций.

В перспективе следует ожидать поддержки и самого законодателя для усиления нормативной основы института возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения в связи с производством по уголовному делу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сосновик Н.Ф. Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.Ф. Сосновик. — Москва, 2005. — 25 с.
2. Гуляев А.П. Возмещение вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения / А.П. Гуляев, В.В. Николук. — EDN IADXUF // Государство и право. — 2007. — № 6. — С. 59–67.
3. Николук В.В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения : монография / В.В. Николук. — Омск : Изд-во Ома МВД России, 2012. — 151 с. — EDN QSTFLP.
4. Николук В.В. Теоретико-методологические основы формирования организационно-правового механизма возмещения вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам ведением уголовного судопроизводства / В.В. Николук — EDN MBMDFI // Уголовный процесс: проблемы теории, законодательства и практики : избранные статьи : в 2 ч. — Москва : Юрлитинформ, 2021. — Ч. 1. — С. 252–261.
5. Аменицкая Н.А. Возмещение вреда, причиненного в связи с незаконным принуждением в ходе уголовного судопроизводства / Н.А. Аменицкая // Проблемы предварительного следствия и дознания : сб. науч. тр. — Москва, — 2020. — Т. 29. — С. 64–70.
6. Булатов Б.Б. Наложение ареста на имущество : монография / Б.Б. Булатов, А.С. Дежнев. — Омск, 2023.
7. Иванов А.С. Проблемы наложения ареста на недвижимое имущество при производстве предварительного расследования (уголовно-процессуальный и оперативно-розыскные аспекты) / А.С. Иванов, В.А. Ионов. — EDN WAUFN // Адвокатская практика. — 2007. — № 6. — С. 27–29.
8. Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. / В.В. Мурылева-Казак. — Москва, 2023. — 221 с.
9. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение : монография / И.Л. Петрухин. — Москва : Наука, 1985. — 239 с.
10. Тутынин И.Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера : монография / И.Б. Тутынин. — 2-е изд. — Москва : Юрлитинформ, 2022. — 359 с. — EDN FFCEDH.
11. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение : монография / З.Ф. Коврига — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. — 175 с.
12. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве : монография / В.М. Корнуков. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. — 137 с.
13. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б.Б. Булатов. — Омск, 2003. — 320 с. — EDN QVXJPZ.
14. Вершинина С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения : монография / С.И. Вершинина. — Москва : Юрлитинформ, 2017. — 368 с. — EDN XGONNF.

REFERENCES

1. Sosnovik N.F. *Redress of Damages to Citizens and Juridical Persons Caused by the Unlawful Use of Measures of Procedural Coercion. Cand. Diss. Thesis.* Moscow, 2005. 25 p.
2. Gulyaev A.P., Nikolyuk V.V. Compensation of Damages, Inflicted to Citizens and Juridical Persons as a Result of Unlawful Application of Measures of Criminal and Procedural Compulsion. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2007, no. 6, pp. 59–67. (In Russian). EDN: IADXUF.

3. Nikolyyuk V.V. *Compensation of Damages to a Person Unlawfully Subjected to Measures of Procedural Coercion*. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2021. 151 p. EDN: QSTFLP.
4. Nikolyyuk V.V. The Theoretical-methodological Basis of Forming the Organizational Legal Mechanism of Compensating Damages to Citizens and Juridical Persons by Criminal Proceedings. *Criminal Process: Problems of Theory, Legislation and Practice: Selected Articles*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021, vol. 1, pp. 252–261. EDN: MBMDFI.
5. Amenitskaya N.A. Redress of Damages Inflicted by Unlawful Coercion during Criminal Proceedings. *Problems of Preliminary Investigation and Inquiry. Collected Papers*. Moscow, 2020, vol. 29, pp. 64–70. (In Russian).
6. Bulatov B.B., Dezhnev A.S. *The Imposition of Arrest on Property*. Omsk, 2023. 34 p.
7. Ivanov A.S., Ionov V.A. Problems of Imposing Arrest on Real Estate during Preliminary Investigation (Criminal Procedure and Operative Search Aspects). *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2007, no. 6, pp. 27–29. EDN: JWAUFN.
8. Muryleva-Kazak V.V. *Procedural Means of Protecting the Property Rights of Persons Who are not Participants of Criminal Proceedings. Cand. Diss.* Moscow, 2023. 221 p.
9. Petrukhin I.L. *Freedoms of a Person and Criminal Procedure Coercion*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 239 p.
10. Tutynin I.B. *Theoretical Basis of Criminal Procedure Coercion of Property Nature*. 2nd ed. Moscow, Yurlitinform Publ., 2022. 359 p. EDN: FFCEDH.
11. Kovriga Z.F. *Criminal Procedure Coercion*. Voronezh State University Publ., 1975. 175 p.
12. Kornukov V.M. *Measures of Procedural Coercion in Criminal Proceedings*. Saratov University Publ., 1978. 137 p.
13. Bulatov B.B. *State Coercion in Criminal Proceedings*. Omsk, Academy of the MIA of Russia Publ., 2003. 320 p. EDN:QVXJPZ.
14. Vershinina S.I. *Normative Legal Nature of Criminal Procedure Coercion*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 368 p. EDN: XGONNF.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мядзелец Ольга Александровна — судья Второго кассационного суда общей юрисдикции, научный сотрудник кафедры публичного права Государственного академического университета гуманитарных наук, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: myshkin.o@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мядзелец О.А. Концептуализация института возмещения вреда лицам, незаконно подвергавшимся мерам уголовно-процессуального принуждения в ходе уголовного судопроизводства / О.А. Мядзелец. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(4).412-420. — EDN PLYSIK // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 4. — С. 412–420.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Myadzelets, Olga A. — Judge, the Second Cassation Court of General Jurisdiction, Research Fellow, Department of Public Law, State Academic University for the Humanities, Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: myshkin.o@mail.ru.

FOR CITATION

Myadzelets O.A. Conceptualization of the Institute of Compensation for Damages to Persons Unlawfully Subjected to Measures of Criminal Procedural Coercion During Criminal Proceedings. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 4, pp. 412–420. (In Russian). EDN: PLYSIK. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(4).412-420.